

ТОЧКИ ОТСЧЕТА

При работе в поле, как и в любом исследовании, необходимо определить отправные положения, которые можно назвать точками отсчета. В нашем случае к ним относились, во-первых, общие принципы подхода, т.е. вопросы методологии; во-вторых, оценка объема и уровня информационной обеспеченности, т.е. вопросы источниковедения и историографии; в-третьих, система конкретных научно-организационных действий, т.е. вопросы методики. Эти точки отсчета и были положены в основу научного обоснования, организации, выбора места и времени проведения полевой этнологической работы в Северной Германии.

I. Вопросы методологии. В центре внимания экспедиции находилась проблематика этнической истории. Принимая во внимание междисциплинарность проекта «Germania Slavica», частью которого эта деятельность являлась, предусматривалось привлечение междисциплинарных данных — истории, археологии, лингвистики, демографии, социологии, экологии и психологии. При этом исходными были следующие постулаты:

1. Этнические миграции и смешения составляют одну из универсальных этнокультурных закономерностей. Поэтому не существует так называемых этнически «чистых» народов, представления о которых суть проявления либо невежества, либо расистского мифотворчества.

2. Напротив, мировая этническая история является вечным движением, в ходе которого определенные этносы возникают, функционируют и прекращают свое самостоятельное бытие, а их представители, меняя этническую ориентацию, включаются в новые этнические общности.

3. При этом этнические культуры не исчезают полностью и бесследно, но в том или ином объеме и виде входят в культурные системы этносов-преемников.

4. Вследствие миграций и смешений на одной и той же территории в разные исторические эпохи могли проживать различные народы, оставляя память о себе в виде тех или иных материальных или духовных реликтов.

5. Отсюда следует, что этнокультурные традиции, носителями которых являются люди, могут иметь как моноэтнический, так и полиэтнический характер, а в их трансляции участвуют не только этнические, но и территориальные факторы.

6. Целеполагающей сердцевиной этнических процессов выступает этническое самосознание, показателями которого являются самоназвание

(экзо- и эндоэтнонимы), самоотнесение (этническая идентификация) и самоутверждение (этнический менталитет); каждый из них, генерируясь необязательно синхронно, на стадии зрелости этноса образует взаимосвязанную этнопсихологическую систему.

7. Язык, будучи важнейшим коммуникативным средством, играет роль одного из определителей этнического самосознания лишь в совокупности с другими элементами этничности, объективирующимися через различные материальные и духовные формы человеческой культурной деятельности. Опыт показывает, что именно эта деятельность, а не обязательно только язык, способна объективировать угасающее самосознание ассимилируемой этнической общности.

II. Вопросы источниковедения и историографии. Разумеется, обе эти вспомогательные исторические дисциплины имеют свой предмет рассмотрения. Но все же в нашем случае возникает ряд вопросов эвристического характера, имеющих вполне практическое значение. Самый важный — как корректно размежевать «источники» и «историографию»? Поясним на примере. Скажем, изданные в XVI в. книги мекленбуржцев Альберта Кранца (ум. 1517) или Маршалка Туриуса (ум. 1526). Как сочинения, стоявшие по сути дела у истоков изучения этнической истории полабских славян в Германии, они, безусловно, должны рассматриваться как часть историографии темы. Однако авторы этих сочинений, наряду с использованием письменных источников, выявленных к тому времени, сообщали и о современных им данных, почерпнутых из личной осведомленности о сохранении в некоторых областях Мекленбургского герцогства славянских насельников с их языком и традиционными обычаями. Эти свидетельства современников для понимания сложных процессов славяно-немецкого этнокультурного синтеза в Северной Германии раннего Нового времени сами по себе являются первичными источниками. То же относится и к последующим свидетельствам немецких авторов, в которых история расселения северогерманских вендов сочеталась с фиксацией сохранения здесь их убывающих остатков вплоть до XVII–XVIII вв., а позднее с размышлениями о топонимических и других славянских реликтах (1). Очевидно, что при таком подходе история изучения этой группы полабских славян неразрывно переплеталась с источниковыми данными по этнической истории Северной Германии в Новое время. Иными словами, собственно историографические аспекты, отражавшие историю изучения вопроса, одновременно оказывались включенными в сферу источниковедения.

Не совсем традиционная ситуация заставила избрать такую методику, которая оптимально обеспечила бы получение результатов. А это означало, что источниковедение и историографию интересующей проблемы следовало рассматривать комплексно, как некую общую

базу информационного обеспечения грядущего полевого этнологического исследования. На подготовительной стадии камеральных разысканий, независимо от формальной классификации («источниковедение» и/или «историография»), следовало организовать своего рода «банк данных», в который вошли бы носители нужной информации.

К числу таковых после тщательного изучения репертуара немецкой (с особым вниманием к региональной) печати, были избраны — для XVI–XVIII вв. труды справочно-энциклопедического характера, а для последующего времени — научно-краеведческая периодика. Критерий такой избирательности был простым: именно в подобных изданиях, с одной стороны, аккумулировался опыт предшествующих разработок, а с другой стороны, фиксировались материалы текущих изучений и наблюдений, относившихся к интересовавшим нас аспектам эволюции проблематики славяно-немецкого этнокультурного синтеза. Одновременно такой подход давал возможность проследить динамику накопления эмпирического материала (2).

Показательны, например, сдвиги в словниках таких авторитетных немецких энциклопедий первой половины XVIII в., как «Allgemeines historisches Lexikon» (Leipzig, hrsg. v. J. F. Buddeus, 1709–1730. Aufl. 1–3) и «Großes vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste» (Leipzig; Halle, hrsg. v. J. H. Zedler, 1732–1750). Если, скажем, в первом издании «Лексикона» Будея (1709) по интересующей нас проблематике была лишь одна статья о полабских славянах («Wenden»), то в двух последующих изданиях к ней добавились статьи об ободритах («Obotriti») и луижичских сербах («Sorben»). Эти статьи вошли затем в «Лексикон» Цедлера с добавлением статьи о дrevянах Вендланда. Приведем ее текст: «Дравен, определенная местность в Люнебургском герцогстве между Данненбергом, Ульценом и Люховым, и между здешними реками Ильменау и Етце, жители которой являются остатками тамошних древних ободритов-вендов, которые еще и поныне говорят на славянском и вендском языке, а также придерживаются многих языческих и суеверных дел» (Т. 7. С. 1411). Если отвлечься от некоторых неточностей и возможных опечаток (вроде славянского **и** (?) вендского языка), то приведенная статья важна известием о сохранении в Вендланде первой половины XVIII в. остатков славянского населения. В названных «Лексиконах» можно найти сведения о вендских поселениях, крепостях, князьях, а также о Радегасте, Свантовите и других персонажах языческого пантеона полабских славян.

В XIX в. эта проблематика из «большой» историографии перешла в руки краеведов. Для Мекленбурга ведущее место в освещении вендской темы заняло Общество мекленбургской истории и древностей, начавшее с 1836 г. регулярно выпускать «Ежегодники» («Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde»), издание которых прекратилось во

время второй мировой войны. На протяжении нескольких десятилетий душой разработки темы мекленбургских (и соседних с ними) славян был Кристиан Фридрих Лиш (1801–1883). Благодаря его инициативе и при личном активном участии на страницах «Ежегодников» были рассмотрены, а во многих случаях впервые серьезно поставлены такие вопросы, как длительность сохранения в Мекленбурге и Вендланде языка, обычаев и элементов фольклора древян; отражение славянского наследия в мекленбургской ономастике; адаптация материальных и духовных традиций ассимилировавшихся полабов в современной авторам «Ежегодников» немецкой народной культуре.

Проблематика эта, существенная сама по себе, сочеталась с первых же томов «Ежегодника» с рассмотрением ряда вопросов северогерманской этнокультурной истории. Так, уже в 1837 г. была опубликована статья пастора Мюссая из Хансдорфа (Pastor Müssäus zu Hansdorf) «О низших сословиях в равнинных частях герцогства Мекленбург-Шверин». Автор отмечал, что представители высших сословий в больших и малых городах носят одежду иностранного покроя, в то время как сельские жители Западного Мекленбурга пользуются традиционным костюмом, сохранившим черты своеобразия с точки зрения как внешних форм, так и применяемого материала, который крестьяне либо покупают в городах, либо изготавливают сами (3). То, что интерес к особенностям местной культуры не был случайным, достаточно ясно сформулировал сам Лиш. Отметив, что вопрос о названиях древнейших поселений как отражении их истории «в нашем Отечестве обсуждается больше, нежели какое-нибудь другое историческое событие», Лиш пояснял: «Каждый стремится прежде всего с помощью исторических событий оживить землю, на которой живет и трудится» (4). Насколько убедительным оказалось такое объяснение, подтверждает статья некоего Р. Асмуса из города с характерным славянским названием Тетеров, опубликованная в журнале «Мекленбург» в 1929 г. Описав некоторые примеры отражения следов поселений и культуры древних славян в топонимике Тетерова и округи, автор замечал: «Удивительно, что, несмотря на массивную переработку последних следов вендского населения вследствие обратного германского движения на эти земли в XII–XIII вв., в отдельных местах смогли сохраниться достойные упоминания вендские традиции» (5). Суждение, подобное приведенному, в XIX — начале XX в. не были чем-то исключительным. О многих славянских вкраплениях в планировку деревень, орудия труда, одежду, аграрную и семейную обрядность, фольклор и другие материальные и духовные формы народной культуры Мекленбурга (отчасти и соседних с ним Вендланда и Бранденбурга) писали не только ученые, но и любители-краеведы.

Новую страницу в истории изучения славянского наследия в северогерманской народной культуре открыл Ханс Витте (Hans Witte). Выступая

26 апреля 1904 г. в Шверине с докладом «Остатки вендского населения в Западном Мекленбурге», Витте отмечал: «Вопрос о том, каким образом венды, населявшие всю нашу страну, полностью бесследно и, как представляется на первый взгляд, внезапно могли из Мекленбурга исчезнуть, зачастую противоречит научному и понятному объяснению» (6). Обращая внимание прежде всего на ономастику, Витте в серии последующих работ показал, что местное славянское население не исчезало и не разбегалось в непонятном направлении, как до него часто считалось, а, оставаясь в местах своего расселения, постепенно германизировалось, превращаясь по языку, культуре и образу жизни в немцев (7). Несмотря на известную политизацию его выводов в конце 1920 — начале 1930-х годов, именно Витте принадлежала заслуга первому взглянуть на проблему северогерманских вендов с точки зрения эволюции немецкого этноса. Именно такой подход Витте применил в фундаментальной «Мекленбургской истории» (1909–1913) (8), которую, заметим, в переработанном и дополненном по новейшим данным виде опубликовал в 1968 г. Манфред Хаманн (9).

Примечательно, что, опубликовав упомянутую статью Витте, издатель журнала Арним Тилле высказал глубокую мысль о том, что история колонизации и германизации восточных земель Германии «еще нуждается в изучении» и потому должна рассматриваться в рамках языковых границ от XII до XIX в. (10). О необходимости серьезной научной разработки немецко-полабского этнокультурного синтеза писал в 1916 г. (!) немецкий этнограф Отто Лауффер (11). Можно сказать, что перспективная идея этнологического подхода к истории и культуре северополабских славян, причем не только в древности, но и вплоть до XX в., уже тогда носилась в умах ряда немецких ученых, будучи в разные годы так или иначе затронутой Рихардом Воссидло и Райнхардом Олешом (12). К сожалению, в полной мере она не только не была реализована, но отчасти и забыта.

Тем не менее, мы не могли не учитывать современного состояния изученности в немецкой науке общей картины немецко-славянских (полабских) взаимосвязей и их культурных последствий начиная с раннего Средневековья (13). С этим сочетался и вопрос о культурной преемственности в условиях протекавшего на протяжении многих столетий процесса ассимиляции славянских племен в Северной Германии. Тем более что этот вопрос в немецкой этнографической науке все же ставился. «Славянское, нижненемецкое, верхненемецкое, — писал, например, в 1988 г. немецкий этнограф Ульрих Бенцин, — влились в мекленбургскую народную культуру, причем не только в языковой сфере. Их содержание касается иноэтнических моментов, особенностей внутриэтнических компонентов и общих национальных элементов, которые оказывали свое влияние в ходе исторического развития». В качестве одного из вероятных примеров на-

звана адаптация в мекленбургской деревне мотыги (Haken) определенного вида — орудия труда, применявшегося некогда в сельскохозяйственной деятельности ассимилированных полабских славян (14). В этой связи для подготовки полевой работы в Ябельхайде значительный интерес представляли результаты этнографической экспедиции 1956 г., проведенной здесь лейпцигским Государственным музеем этнографии. Хотя задачи, сходной с нашей, перед участниками той экспедиции не стояли, собранные тогда сельскохозяйственные орудия и предметы крестьянского быта, в основном XIX — начала XX в., позволяли сделать некоторые наблюдения, касавшиеся перемен в современном культурном ландшафте Ябельхайде (15).

При подготовке будущей экспедиции мы опирались на многие гипотезы, наблюдения и выводы наших предшественников. Но здесь возникали вопросы методики полевой работы, которые перед ними просто не стояли.

III. Вопросы методики. Выбор той или иной методики любого, в том числе и полевого этнографического, исследования зависит от намеченных целей и задач. В нашем случае, как отмечено выше, речь шла о выявлении места и значимости славянского наследия в немецкой народной культуре: Где? Когда? Каково?

Ответ на первых два вопроса был сформулирован на основе предварительного ознакомления с немецкой этнической историей в той мере, в какой в ней прослеживается славянский (полабский) элемент. При этом соблюдался ряд ограничений.

Во-первых, это должна быть территория, на которой процесс германизации славянского населения сопоставительно с другими частями Германии протекал более замедленными темпами при возможно минимизированном воздействии массовых миграций периодов Тридцатилетней войны XVII в. и двух мировых войн XX в.

Во-вторых, возможность документированного определения динамики массовой смены в это время этнокультурной ориентации проживавшего здесь населения.

В-третьих, наличие не только достоверной письменной фиксации этнокультурных особенностей обследуемой территории, но и живых следов немецко-славянского этнокультурного синтеза в исторической памяти местного коренного населения.

По результатам предварительных исследований, этим условиям как раз и отвечали два упоминавшиеся выше региона Северной Германии: Ябельхайде и Вендланд. Забегая вперед, можно констатировать правильность намеченного выбора в целом, хотя его нельзя считать исчерпывающим: не менее плодотворными могли бы оказаться полевые исследования в Восточном Гольштейне, Люнебургской пустоши и ряде примыкающих территорий.

Что же касается третьего вопроса о том, какое место занимает (и занимает ли вообще) славянское наследие в северогерманской народной культуре, то ответ на него мог быть дан лишь по результатам экспедиции, чему и была подчинена принятая нами методика.

Во-первых, наша методика базировалась на традициях русской полевой этнографической практики, одним из определяющих элементов которой является вживание исследователя в изучаемую среду и установление на этой основе доверительных отношений с информантами. Такой подход проявился и в тактике общения с населением, и в организации быта экспедиции.

Во-вторых, уже в начале подготовительной работы мы решительно отказались от распространенного в социологических науках метода структурированного интервью, когда опрос осуществляется устно или письменно по анкете, содержащей вопросы и несколько вариантов ответа на выбор. Мы исходили из того, что приемлемый при тестировании и для получения статистических данных такой метод в полевом исследовании едва ли способен привести к выявлению объективных результатов, поскольку заведомо ограничивает информанта и фактически навязывает ему желательный (к тому же зачастую априорно, а потому нередко ошибочно сформулированный) ответ. Поэтому нами был избран метод свободного глубинного интервью, в ходе которого информант может неожиданно сообщить сведения, о которых ни исследователь, ни он сам поначалу не думал. Таково свойство человеческой памяти, для которой характерно выстраивание ассоциативного ряда. «Ассоциативная связь представлений, — подчеркивал выдающийся российский психолог Л.С. Выготский, — подчеркивал выдающийся российский психолог Л.С. Выготский, — в том и заключается, что одно представление вызывает другое, которое с ним связано по смежности или времени» (16). Вызвать в памяти информанта связь дополнительных представлений «по смежности или времени» — задача интервьюера, достижимая с трудом и, увы, далеко не всегда.

Впрочем, глубинное интервью не означает спонтанной и бессистемной беседы. Наоборот, интервьюер при подготовке к беседе должен по возможности составить представление о психологическом типе информанта (возраст, пол, социальное положение, род занятий и профессиональных интересов, интеллектуальный уровень, характер и так далее). И, разумеется, определить круг вопросов, которые желательно выяснить. Последнее особенно важно при более или менее массовых опросах с целью последующего сопоставительного и критического анализа их результатов.

С этой целью в 1997 г. научный сотрудник МАЭ РАН М.А. Рубцова подготовила методическую разработку, построенную на основе полевого опыта российских этнографов. Эта разработка включала более 300 вопросов, касающихся общей характеристики обследуемого региона, населения и рода его занятий, особенностей традиционной культуры. Этот документ, носив-

ший примерный характер, являлся своего рода желательной программой-максимум (ЭА, № 4). Но, поскольку сразу всего охватить было невозможно, а с чего-то приходилось начинать, было решено ограничиться вопросами этнокультурного самосознания, степени и характера осведомленности о вендах, истории деревень и края, а также такими традиционными материальными и духовными формами деревенской культуры, как жилище, одежда и праздничные обычаи. Впрочем, как читатели увидят далее, в ходе экспедиции удалось получить интересные данные, о которых поначалу ее участники и не помышляли. Это, впрочем, лишний раз подтверждает правильность избранного методического подхода.

Что же касается бытовой стороны дела, то был применен радиальный принцип: участники экспедиции совершали заранее намеченные выезды в окружающие деревни, базируясь стационарно. В Ябельхайде такой станцией была деревня Лаупин (Laurin), дом владельца автомастерской Фолкера Туттаса (Volker Tuttas); в Вендланде — деревня Баузен у Кленце (Bausen bei Clenze), дом крестьянина-пенсионера, художника-графика Херрманна Шульце (Herrmann Schulze). Необходимо подчеркнуть, что значительную помощь в определении круга информантов оказали местные протестантские пасторы, которые были заранее предупреждены лейпцигским Центром о нашем приезде и целях экспедиции.

Так идея полевого исследования мест бывшего расселения северополабских славян, ставших немцами, возникнув в начале 1990-х годов в Санкт-Петербурге, получив в последующие годы реальную поддержку со стороны немецких коллег, медленно, но уверенно прошла путь от замысла до реализации. Предыстория экспедиции завершилась 10 сентября 2000 г. С этого времени она стала фактом истории этнографической науки.

Примечания

1. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. [далее: Т. 1]. С. 108–113; *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 36–37. [далее: Т. 2].

2. Этот подход был разработан и реализован в статье: *Мыльников А.С.* Полабские славяне в научной мысли Германии конца XVII — первой половины XVIII в.: К вопросу о генезисе банка информации // *Letopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung*, 1990. R. «B». № 37. S. 16–22.

3. Müßäus zu Hansdorf. Über die niedern Stände auf dem flachen Lande in Mecklenburg — Schwerin // *Jahrbücher*. 1837. Bd. 2. S. 107–108.

4. *Lisch G.C.F.* Die Burg Dobin und die Döpe bei Hohenß Bicheln *Jahrbücher*. 1840. Bd. 5. S. 123.

5. *Asmus R.* Spuren wendischer Siedlung und wendischen Kultes in der Flurnamen der Feldmark Teterow und ihrer nächsten Umgebung. Ein Beitrag zur Kultur- und Zeitgeschichte des letzten wendischen Volkstums im östlichen Mecklenburg // *Mecklenburg*. 1929. 1. S. 5.

6. *Witte H.* Wendische Bevölkerungsreste im westlichen Mecklenburg // Deutsche Geschichtsblätter. Monatsschrift zur Förderung der landesgeschichtlichen Forschung. 1904. Bd. 5. S. 219.
7. *Witte H.* Slawische Reste in Mecklenburg und an der Niederelbe // Der Ostdeutsche Volksboden. Hrsg. von W. Volz. Breslau, 1926. S. 192–205; *Witte H.* Von Mecklenburgischen Geschichte und Volksart. Rostock, 1931–1932.
8. *Witte H.* Mecklenburgische Geschichte. Wismar, 1909. Bd. 1. S. 7–23.
9. *Hamann M.* Mecklenburgische Geschichte... Auf dem Grund von Hans Witte neu bearbeitet. Köln; Graz, 1968.
10. *Tille A.* Nachwort // Deutsche Geschichtsblätter. 1904. Bd. 5. № 1. S. 235.
11. *Lauffer O.* Niederdeutsche Volkskunde. Leipzig, 1917. S. 15.
12. Например: *Wossidlo R.* Erntebräuche in Mecklenburg. Naumburg, 1928. S. 4; *Schwebe J.* Volksglaube und Volksbrauch im Hannoverschen Wendland. Köln; Gratz, 1960. S. 1–2; *Olesch R.* Zum Drawenopolabischen im Hannoverschen Wendland // Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht. Lüneburg, 1992. S. 102.
13. Анализ современной немецкой историографии темы показывает, что, хотя преимущественное внимание обращено на период раннего Средневековья, ряд работ (включая отдельные работы первой половины XX в.) посвящен общим проблемам темы, отчасти включая и более широкий хронологический охват, затрагивающий и области Северной Германии: *Engel F.* Deutsche und Slawische Einflüsse in der Dobbertiner Kulturlandschaft & Siedlungsgeographie und Wirtschaftliche Entwicklung eines mecklenburgischen Sandgebietes. Kiel, 1934; *Engel F.* Beiträge zur Siedlungsgeschichte und Historischen Landeskunde Mecklenburg, Pommern, Niedersachsen. Köln; Wien, 1970; *Gause F.* Deutsch-Slawische Schicksalsgemeinschaft: Abriß einer Geschichte Ostdeutschlands und seinen Nachbarländer. 3. Aufl. Würzburg, 1967; *Herrmann J.* Germanen und Slawen in Mitteleuropa: Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu Beginn des Mittelalters. Berlin, 1984; Slawen und Deutsche im südlichen Ostseeraum vom 11. bis 16. Jahrhundert. Neumünster, 1995; Zur slawischen Besiedlung zwischen Elbe und Oder. Beiträge für Wissenschaft und Kultur. Neumünster, 1994. Bd. 1; Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlichen Sicht. Beiträge. Lüneburg, 1992; Struktur und Wandel im Früh- und Hochmittelalter. Eine Bestand saufname aktueller Forschungen zur Germania Slavica. Hrsg. von Chr. Lübke. Stuttgart, 1998; *Hardt M.* Das „slawische Dorf“ und seine kolonisationszeitliche Umformung nach schriftlichen und historisch-geographischen Quellen // Siedlungsforschung. Archeologie. Geschichte. Geographie. 1999. Bd. 17.
14. Mecklenburgische Volkskunde / Hrsg. von U. Bentzien, S. Neumann. Rostock, 1988. S. 10, 16.
15. *Kupfer Chr.* Bericht über eine Sammelreise in Südwesten Mecklenburgs (Jabelheide) // Jahrbücher des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1956. Bd. 15. S. 118–138. В настоящее время собранная коллекция хранится в Музее города Хагенов (Hagenow).
16. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М., 1982. Т. 2. Проблемы общей психологии. С. 395.